
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА:
НА ПУТИ
К «КРАСНОМУ КОЛЕСУ»

Материалы Международной научной конференции
Москва, 7–9 декабря 2011 года

Жизнь и творчество Александра Солженицына:
на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост. Л.И. Сараскина.
М. : Русский путь, 2013. С. 305–312

Москва
РУССКИЙ ПУТЬ
2013

Лиза Риоко Вакамия
США

«ДНЕВНИК Р-17» И «КРАСНОЕ КОЛЕСО»:
ДИАЛОГ АВТОБИОГРАФИИ, ЛИТЕРАТУРЫ
И ИСТОРИОГРАФИИ¹

«Дневник романа о Революции Семнадцатого года», или «Дневник Р-17», который Александр Исаевич Солженицын вёл с 1960 по 1991 год, работая над своим историографическим романом-эпопеей «Красное Колесо», занимает особое место в ряду произведений историографической прозы. Как современный своему предмету отчёт об исследовании Солженицыным событий прошлого, свидетельство его собственного творческого процесса, а также творческого процесса как такового, «Дневник Р-17» является одновременно первичным текстом и метанарративом. На сегодняшний день только короткие отрывки из «Дневника...», составляющие всего лишь двадцатую часть всего текста, были опубликованы. Полный же текст сейчас готовится к изданию как семнадцатый том тридцатитомного Собрания сочинений А.И. Солженицына. Моя гипотеза относительно связи между «Дневником...» и романом-эпопеей «Красное Колесо» основана только на опубликованных отрывках и потому носит предварительный характер. Тем не менее даже отрывки из «Дневника...» весьма содержательны и дают нам возможность наблюдать тот творческий и концептуальный аппарат, который определяет структуру одновременно и романа «Красное Колесо», и философии истории Солженицына в целом.

«Дневник Р-17», как и роман «Красное Колесо», стремится запечатлеть воздействие повседневности и постоянный диалог между жизнью, литературой и историографией. Солженицын раскрывает значимость своего дневника в записи от 19 июля 1965 года: «Дневник станет ещё одним действующим лицом в создании романа — моим помощником, критиком и — погонщиком»². Наталия Солженицына также замечает, что дневник раскрывает сложность позиции автора в центре множества процессов: «Он как бы разговаривал, советовался с дневником — в оценке источников, достоверности личных свидетельств, мемуаров, газетных сообщений; в сомнениях о выборе художественных средств и оправдании избранных приёмов повествования»³. «Дневник...» выводит на авансцену и открывает не только творческий метод автора, но и каждодневные процессы, посредством которых он описывает историю революции.

В первую очередь анализ «Дневника Р-17» должен принять во внимание его жанр. В одном из исследований дневник описывается как «неопределённый жанр, неловко балансирующий на границе между литературной и исторической формой, между спонтанностью репортажа очевидца и рефлексивностью творческого текста, между личностью и событиями, между субъективностью и объективностью, между личным и публичным»⁴. Гибридный характер дневников заставляет исследователей дать этой форме очень разные определения, зачастую ограниченные либо историческим контекстом, в котором дневники произведены, либо научными интересами самих исследователей. Поэтому, например, дневники, написанные в эпоху Просвещения или в период сентиментализма, нередко рассматриваются как средства для морального самоусовершенствования и культивирования чувств⁵. Для оценки «Дневника Р-17» стоит иметь в виду, что, с точки зрения историков, дневники — это источник информации о повседневной жизни именно в личной сфере, противопоставленной сфере публичной, в то время как литературоведы утверждают, что дневники имеют тенденцию к саморефлексии и тематизированию процесса работы над текстом⁶. Имеет смысл исследовать «Дневник Р-17» в точке пересечения этих двух подходов, для того чтобы рассмотреть, как Солженицын-историк работает с историческими источниками для их интеграции в «Красное Колесо» и в то же время как Солженицын, автор исторического романа, ведёт дневник, чтобы проиллюстрировать и дать объяснение своему творческому процессу. Неопределённость дневника как жанра и неполнота публикации «Дневника...» Солженицына не позволяют сделать какое-либо заключение о том, как читать и интерпретировать этот текст. Тем не менее можно с уверенностью сказать, что за те тридцать лет, пока Солженицын вёл дневник, он составил хронику процесса своего постепенного развития как писателя, отражающегося в изменениях в его подходе к формированию архивных материалов в «публичную историю».

В одной из ранних записей, от 19 июля 1965 года, Солженицын делает программное заявление о своём подходе к историческому повествованию: «Не надо ни в чём насиловать Историю — она сама стелет дорожки для героев»⁷. Также, в августе 1967-го, определив, что дореволюционный материал не подходит к специальному формату, обозначенному термином «экран» и задуманному для дальнейших глав романа, Солженицын пишет: «<...> материал сам меня поправил»⁸. Автор признаёт, что документы повествуют своим собственным «голосом». Но, как он позднее замечает, документы также нуждаются в «переводчике», который способен передать и разъяснить их «голос» читателю: «Наверно, это из лучших счастлих историка: по краткому сухому документу восстановить и угадать объёмную ситуацию и человеческие чувства»⁹. Документы «обращаются» к историку, и уже его задача — интерпретировать их для широкой публики. И частные мемуары, и архивные документы в равной мере подвергаются интерпретации, когда Солженицын пишет «Красное

Колесо». Он полагается на множество различных источников, конденсируя и сопоставляя их, для того чтобы ввести их в своё историческое повествование. В то же время он признаёт, что эти документы существовали в своей особой структуре категорий смыслового содержания (отношение личности к историческому процессу, разделение приоритетов в личной и общественной сферах и т.д.), обусловленной эпохой, в которую жили и писали их авторы. Несмотря на то что эти источники «обращаются» к Солженицыну, в процессе формирования «Красного Колеса» писателю приходится воссоздавать контекст их смыслового содержания для современного читателя. В своём эссе «Опыт написания истории» Джордж Ф. Кеннан описывает этот «запутанный вопрос субъективности», замечая, что фрагменты прошлого не имеют «повествовательной общности». «Они могут быть организованы неограниченным количеством способов» и зависят от «добросовестности», «анализа» и «интерпретации» историка. В конечном счёте «<...> та недвижимая точка, с которой рассматривается история», — в независимости от того, передана ли она голосом частного или общественного документального источника или голосом самого историка, — является «не чем иным, как собственным “я” автора»¹⁰. Такие заявления в «Дневнике Р-17», как: «Я никакой не новатор, я даже не люблю быть новатором. Но когда условия прижимают — надо исхитриться и что-то выдумывать»¹¹, запечатлевают то напряжение, которое Солженицын испытывал, когда он пытался адаптировать частные и общественные документы для своего романа и в то же время сохранить их значимость. «Дневник...» показывает, что сам автор, будучи производной исторических процессов, должен рассматривать исторические документы, в том числе своё собственное произведение, в постоянно смещающихся рамках настоящего.

Разъясняя в «Дневнике...» свой подход к превращению архивных материалов в публичную историю, Солженицын ведёт хронику своего постоянного развития как писателя. Запись от 31 октября 1976 года указывает на существенные изменения, происшедшие в авторе: «С годами автор меняется и физиологически, и умственно, и в убеждениях, и в настроениях. Ничто не повторимо. И если он пишет 30 лет, то это — не единый насквозь автор»¹². Таким образом, читая программное заявление Солженицына о независимости «голосов» исторических документов, нужно принимать во внимание изменения в самом историке и следующие из этого различия в интерпретации документов, появляющиеся со временем. Этот сдвиг в интерпретационной позиции автора запечатлён в тот момент, когда Солженицын даёт две очень разные оценки формы и структуры своей ранней работы над эпопеей. Он оставляет в романе «Красное Колесо» основную структуру, разработанную в ранних рукописях и включающую в себя три различные модальности изложения («обычное», «политическое» и «кино») как способ изображения прошлого с разных ракурсов, и в то же время он критикует свои первые попытки писать в параметрах этой структуры («Перечитывая свои юношеские главы романа,

написанные в 1936–1938 годах, обнаружил: текст беспомощный, писать совершенно я не умел, поддавался худшим литературным традициям <...>. <...> Но вот удивительно: распределение материала по главам, строение Части, то есть композиция — абсолютно зрелая, могу использовать сейчас»¹³). Как историк, вписывающий себя в исторический процесс, Солженицын поддерживает диалог с архивными материалами, работая над текстом романа. Он одновременно подвергает и себя, и свою работу постоянной самооценке и пересмотру, тем самым делая свой метод интерпретации и историографии динамичным и постоянно меняющимся.

В своём исследовании под названием «Переосмысливая историю разум» (1983) Доминик Лакапра пытается разрешить этот конфликт, который он описывает как несовместимость между «бременем» истории и постоянно меняющимся настоящим человека, её исследующего. Лакапра утверждает: «Нужно постоянно иметь в виду, что у прошлого есть свои “голоса”, к которым необходимо прислушиваться, особенно когда они не поддаются избранной нами интерпретации или ограничивают её»¹⁴. Он характеризует процесс описания истории не как реконструкцию «смыслового содержания» текстов прошлого, а как «диалог», в котором независимо существующее прошлое имеет возможность поставить под сомнение попытки историка навязать на него несопоставимые значения. С точки зрения Лакапра, не важно, представлен ли диалог как разговор двух голосов самого историка или же один из голосов задуман как независимый голос текста, поскольку все разговоры так или иначе происходят в уме читателя¹⁵. Таким образом, согласно Лакапра, исторические документы не являются статическими изображениями прошлого и не ведут каждый раз к одним и тем же выводам. Различные интерпретации и стили изображения прошлого закономерны, неизбежны и, важнее всего, необходимы, для того чтобы история могла преобразить, а не только подтвердить наше понимание прошлого¹⁶.

«Дневник Р-17» даёт читателю редкую возможность стать свидетелем развёртывания диалога между прошлым и постоянно смещающейся точкой зрения историка. Текст представляет уникальный взгляд на развитие подхода Солженицына к тому, как представить близость историка к событиям, которые он отображает, или же отдалённость от них. Как правило, каждое историческое повествование должно обозначить место читателя в относительной близости или отдалённости от прошлого, в котором оно описывается¹⁷. Некоторые историки выбирают то, что Хейден Уайт называет «ироническим» отношением к прошлому, — это отношение, которое позволяет историкам принять снисходительный взгляд на людей и события, которые они описывают. Данный подход основывается на заключении, согласно которому людям всегда не хватает перспективы в их настоящем, для того чтобы увидеть расхождение между их словами и их действительностью настолько чётко, насколько историки видят его в ретроспективе¹⁸. Другие историки могут считать

свой подход объективным, даже научным, и тем не менее их тексты не могут избежать определённой философии истории, которая рассматривает прошлое через призму настоящего. В «Красном Колесе» Солженицын стремится изобразить повседневность, микроисторические описания жизни исторических личностей и простых людей. Он хочет привлечь читателя как можно ближе к повествованию, для того чтобы он, читатель, мог воспринимать повествование не как беспристрастный наблюдатель, а как непосредственный свидетель и чтобы в дальнейшем вдохновить читателя самого стать исследователем истории¹⁹. Для того чтобы достичь этой близости к историческим процессам, которые он описывает, Солженицын прибегал к целому ряду мер. Он обращался к своим читателям за их неопубликованными мемуарами²⁰. Он разработал такие повествовательные приёмы, как фрагменты «экран» для усиления внимания читателя²¹. Он «<...> жил в 1917-м с людьми, о которых писал, до такой степени, что чувствовал себя в полной мере их современником»²².

«Дневник Р-17» иллюстрирует уверенность Солженицына в том, что непосредственная близость повествования к читателю необходима в «Красном Колесе». Солженицын подчёркивает свою позицию свидетеля, позволяющую ему, как никому, писать об истории революции. О писателях же, которые могут прийти после него и пытаться написать эту историю, Солженицын замечает: «Для них потеряются последние ощущения *современности* этих событий. Они будут рассматривать их так же исторически, как декабристов, Новгород или наполеоновскую войну»²³. Показательно здесь то, что Солженицын подчёркивает «современность» революции и использует слово «исторический» критически, для того чтобы обозначить «отдалённость во времени», а также указать на отдалённость перспективы, с которой историки до него описывали эти события. Кроме того, интимное отношение между писателем и предметами его описания доказывается отказом сформировать различные события их жизнью в организованный, линейный повествовательный сюжет. Автор с большим усилием пытается разобраться в разных интерпретациях опыта людей, переживших революцию. «Живое дыхание революции: противоречивость источников»²⁴, — замечает он, когда многочисленность мнений, найденных в источниках, в определённый момент ошеломляет его. Благодаря предельной близости к своей теме и героям Солженицын оказывается среди самых противоречивых и зачастую недоступных пониманию событий и идей. Эта близость отражается у писателя в его методе работы с текстами. Формат дневника позволял ему документировать ход работы над романом в коротких ежедневных записях, без необходимости упорядочивать свои исследования или записи в рамках линейного повествования. Непосредственность и неотшлифованность процесса, передаваемого в «Дневнике...», отражает субъективную близость действия в романе «Красное Колесо». В качестве описания истории революции и истории процесса создания текста о революции эти две дополняющие друг друга работы воспроизводят дезорганизацию жизни и, по

сути, опровергают позитивистскую уверенность в возможности объективного познания истории. Субъективность, в её диапазоне перспектив и событий, представленных в «Красном Колесе» и в дневнике писателя, не является препятствием для создания нарратива истории. Напротив, субъективность становится средством, посредством которого существенные моменты истории становятся осязаемыми, многообразными и постоянно ищущими дополнения.

Сложное сплетение дневниковых записей, беллетристики и историографии, представленное в параллельных процессах написания «Красного Колеса» и «Дневника Р-17», освещает основной тезис Солженицына о том, что история переживается и пишется на множестве уровней. Эти два проекта также свидетельствуют, что философия исторического видения автора подразумевает его непосредственно близкую связь с прошлым. После полной публикации «Дневник Р-17» станет обязательным дополнением к «Красному Колесу», одновременно обуславливая и иллюстрируя принципы композиции романа. «Дневник...» также станет существенным фактором в дебатах по поводу отношения нарратива и истории в современной историографии. Историографы по-разному определяют это отношение. Одни из них уверены, что воспроизведение истории в повествовательной форме обязательно навязывает интерпретацию и потому фальсифицирует нарративную форму прошлого как такового, в результате чего возникают модальности истории, которые настолько же достоверны, насколько тексты художественной литературы одновременно и правдивы и выдуманы. Другие считают, что прошлое само по себе обуславливает нарративные рамки, в которых художественное повествование становится допустимой формой изложения исторических событий. Оба подхода пытаются разрешить коллизию, как исторические изложения могут одновременно представлять себя и правдой, и нарративом. В ответ на это противостояние историк Эндрю Норман утверждает, что «повествование исторических событий может быть поэтичным, в смысле воспроизведения новых дискурсивных образов, и в то же время прозаичным, запрашивая (и заслуживая) быть воспринятым буквально, — и в этом нет никакого противоречия»²⁵. Публикация «Дневника Р-17» как текста, подсобного «Красному Колесу», сделает возможным исследование, которое подтвердит утверждение Нормана, согласно которому только потому, что «история дошла до нас через творческий процесс, т.е. образный путь, который преподносит прошлое по-новому, не значит само по себе, что она утратила истину»²⁶. Этот незаурядный документ, в котором Солженицын запечатлевает свой рост в качестве писателя, одновременно переживающего и записывающего события истории, даст толчок новым направлениям в исследовании на тему природы диалога между источниками исторического материала, историками и их историческим повествованием.

Примечания

¹ Перевод с англ. Д. Желтовского.

² Солженицын А.И. Три отрывка из «Дневника Р-17» // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики, литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах М.: Русский путь, 2005. С. 10.

³ Солженицына Н. Дневник был собеседником, с которым он делил мучительность поисков и радость находок» // Известия. 2003. 10 декабря. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=1001021>. «Это были сугубо рабочие записи, необходимая автору площадка для споров с самим собой, для сомнений, обдумываний, для оценок достоверности источников и выбора художественных средств» (Солженицына Н. Литературное наследие А.И. Солженицына: задачи ближние и дальние // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сб. памяти (1918–2008). М.: Русский путь, 2009. С. 342).

⁴ Langford R., West R. Introduction: Diaries and Margins // Marginal Voices, Marginal Forms: Diaries in European Literature and History / Ed. Rachael Langford and Russell West. Amsterdam, 1999. P. 8.

⁵ См.: *Paperno I.* What Can Be Done with Diaries? // Russian Review. 2004. № 4 (63). P. 563.

⁶ Ibid. P. 564.

⁷ Солженицын А.И. Указ. изд. С. 10.

⁸ В записи от 10 августа 1967 г. говорится: «Как интересно выясняется по ходу дела. Установив для себя три вида наложения (обычное, политическое и кино), я никак не мог приладить двух последних <...> к первым двум частям романа. Получалось только традиционное медленное изложение большими главами <...>. И вдруг понял: да ведь I и II Части и должны быть такие! — они же до революции, ещё в *прежней* России. Так материал сам меня поправил. Форма романа будет *меняться на ходу*» (там же. С. 12).

⁹ Там же. С. 22.

¹⁰ *Kenan G.F.* The Experience of Writing History // The Vital Past: Writings on the Uses of History. Athens: University of Georgia Press, 1985. P. 91.

¹¹ Солженицын А.И. Указ. изд. С. 18.

¹² Там же. С. 28.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ *LaCapra D.* Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1983. P. 64.

¹⁵ См.: *Pagden A.* Rethinking the Linguistic Turn: Current Anxieties in Intellectual History // Journal of the History of Ideas. 1988. № 3 (49). P. 524.

¹⁶ Эта терминология использована в описании задачи «поэтического историка» Хейдена Уайта в: *Kramer L.S.* Literature, Criticism and Historical Imagination: The Literary Challenge of Hayden White and Dominick LaCapra // The New Cultural History: Essays / Ed. Lynn Hunt. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 119.

¹⁷ См.: *Phillips M.S.* Relocating Inwardness: Historical Distance and the Transition from Enlightenment to Romantic Historiography // PMLA. 2003. № 3 (11). P. 438.

¹⁸ См.: *White H.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth Century Europe. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1973. P. 38.

¹⁹ В «Красном Колесе» можно найти педагогический императив, и есть свидетельство, что Солженицын задумывал этот роман как пример того, как работать с историческими документами и множеством источников. Один из читателей описывал Солженицыну свои попытки получить доступ и использовать материалы, связанные с железнодорожным строительством БАМлага. О педагогической функции «Красного Колеса» см.: *Вакамия Л.Р.* Риторические конструкции репатриации в произведениях Александра Солженицына // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 239.

²⁰ См.: *Солженицын А.И.* Послесловие к русскому зарубежному изданию 1971 г. // *Солженицын А.И.* Август Четырнадцатого. Париж: YMCA-Press, 1971. С. 572–573.

²¹ «Это — только для оживления читательского внимания, или отдельные, очень уж яркие сценки» (*Солженицын А.И.* Три отрывка из «Дневника Р-17» / Указ. изд. С. 26).

²² *Nicholson M.* Solzhenitsyn, Exile and the Genius Loci // *Canadian-American Slavic Studies*. 1999. № 2–4 (33). P. 327.

²³ *Солженицын А.И.* Три отрывка из «Дневника Р-17» // Указ. изд. С. 9.

²⁴ Там же. С. 24.

²⁵ *Norman A.P.* Telling it Like it Was: Historical Narratives on Their Own Terms // *History and Theory*. 1991. № 2 (30). Pp. 133–134.

²⁶ *Ibid.* P. 135.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя (<i>Л.И. Сараскина</i>)	5
--	---

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Обращение Ю.С. Осипова к участникам конференции	9
Слово М.В. Сеславинского	11
Слово В.П. Лукина	13

ОТОБРАЖЕНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ»

<i>Алтынбаева Гульнара (Саратов)</i> Окололитературная среда начала XX века в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	17
<i>Бальзамо Елена (Франция)</i> «...Выполнять свой долг. На своём месте»: личность и исторический процесс в «Красном Колесе»	28
<i>Воли Дэвид (США)</i> Искусство и история в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	40
<i>Глушковский Пётр (Польша)</i> «Красное Колесо» с точки зрения историка	52
<i>Гуськов Вячеслав (Благовещенск)</i> Образ Руси уходящей в исторической эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»	60
<i>Климов Алексей (США)</i> Колебания вектора истории в «Красном Колесе»	72
<i>Махони Дэниел (США)</i> «Зацариться»: Николай II и грядущая революция	80

<i>Шепель Алексей (Санкт-Петербург)</i>	
Роман А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого»: работа писателя с военно-историческими материалами	92
<i>Щедрина Нэлли (Москва)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века	100
<i>Юозайтис Арвидас (Литва)</i>	
Реформатор П.А. Столыпин и консерватор А.И. Солженицын: точки исторического соприкосновения	112
ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ	
<i>Гапоненков Алексей (Саратов)</i>	
Истинный и ложный консерватизм в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	121
<i>Герасимова Людмила (Саратов)</i>	
Пневматология как свойство реализма А.И. Солженицына в «Красном Колесе»	132
<i>Джайтли Изабелла (Индия)</i>	
«О сопротивлении злу силою»: отражение идеи Ивана Ильина в «Красном Колесе»	141
<i>Перселл Брендан (Австралия)</i>	
Некоторые размышления о философской и теологической историографии в «Красном Колесе» Александра Солженицына	151
<i>Пивоваров Борис (Новосибирск)</i>	
Богоборчество как движущая сила революции: ответ «Красного Колеса»	169
<i>Понтузо Джеймс (США)</i>	
Феноменология религии в «Красном Колесе» Солженицына	185
<i>Проскураина Елена (Новосибирск)</i>	
Солженицын в восприятии Александра Шмемана	192
<i>Смыковская Татьяна (Благовещенск)</i>	
Духовное крушение или «найти Святого Духа»? (Пасхальные мотивы в «Красном Колесе»)	205
<i>Хутен Джессика (США)</i>	
Напоминание об истине Божией в «Красном Колесе»	216
<i>Эриксон Эдвард, мл. (США)</i>	
«Ничего нет выше любви»: религиозная составляющая «Октября Шестнадцатого»	223

«КРАСНОЕ КОЛЕСО»
И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

<i>Бочаров Сергей (Москва)</i> Россия и революция: от Тютчева к «Красному Колесу»	235
<i>Вахтель Эндрю (США)</i> Раздвигая границы пространства и времени: Андрич, Солженицын и проблема историзма	241
<i>Иванова Евгения (Москва)</i> «Последние дни императорской власти» А. Блока как комментарий к «Красному Колесу»	255
<i>Кибальник Сергей (Санкт-Петербург)</i> Г.И. Газданов и А.И. Солженицын	263
<i>Котельников Владимир (Санкт-Петербург)</i> Картина человека в «Красном Колесе»	267
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i> В.В. Набоков и А.И. Солженицын в пространстве Больших Идей	276
<i>Спиваковский Павел (Москва)</i> Проблема релятивизма: Солженицын, Чехов, Достоевский и поиск истины	287
<i>Тюрина Галина (Москва)</i> Тема Москвы в «Красном Колесе»	294

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

<i>Вакамия Лиза Риоко (США)</i> «Дневник Р-17» и «Красное Колесо»: диалог автобиографии, литературы и историографии	305
<i>Ковтун Наталья (Красноярск)</i> Идея «сбережения народа» в ранних текстах А. Солженицына	313
<i>Лесур Франсуаза (Франция)</i> «Люби революцию»: пролог к «Красному Колесу»	328
<i>Роднянская Ирина (Москва)</i> Лирико-патетическое начало в «Архипелаге ГУЛАГ» (К сравнению задач двух эпопей Александра Солженицына)	337
<i>Сидор Моника (Польша)</i> Личность, общество, коллективный герой: трансформации модели героя в ранних произведениях А. Солженицына	347

ПОЭТИКА «КРАСНОГО КОЛЕСА»

<i>Аркатова Анна (США)</i>	
Система ключевых женских образов в эпопее А. Солженицына «Красное Колесо»	359
<i>Баршт Константин (Санкт-Петербург)</i>	
О нарративной структуре «Красного Колеса» А.И. Солженицына	370
<i>Ванюков Александр (Саратов)</i>	
«Красное Колесо» А.И. Солженицына: поэтика заглавия и структура повествования (Узел II. «Октябрь Шестнадцатого»)	387
<i>Дюран Клод (Франция)</i>	
Некоторые заметки об использовании пословиц в литературе, в особенности в русской литературе, в частности в «Красном Колесе» Александра Солженицына	406
<i>Ивамото Кадзухиса (Япония)</i>	
Ленин и Солженицын: идентификация автора «Красного Колеса» с героем	427
<i>Мелентьева Ирина (Москва)</i>	
Свет и тьма восьмой главы «Августа Четырнадцатого»	437
<i>Солженицына Наталия (Москва)</i>	
Картотека «Красного Колеса»: замысел и осуществление	442
<i>Темпест Ричард (США)</i>	
Фермопилы Георгия Воротынцева: солженицынская концепция мужественности	452
<i>Урманов Александр (Благовещенск)</i>	
«Саранча из бездны...» (Библейская символика в «Красном Колесе»)	462
<i>Хитрая Анна (Москва)</i>	
Художественное слово как форма выражения историософских воззрений А.И. Солженицына	474
<i>Шмелев Алексей (Москва)</i>	
Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына: на пути к «Красному Колесу»	481
СОЛЖЕНИЦЫН И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>Гальцева Рената (Москва)</i>	
По дороге «Красного Колеса» в обратную сторону, или Борьба на два фронта	499

<i>Жэнь Гуансюань (Китай)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына в Китае	513
<i>Шляпентох Дмитрий (США)</i>	
«Красное Колесо» Солженицына: между эмоциями и реальностью	518
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i>	
Неизбежность очерка о П.А. Столыпине в «Красном Колесе»	
А.И. Солженицына	533

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Струве Никита (Франция)</i>	
Том за томом: заметки первоиздателя «Красного Колеса»	549